

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.88.46.023

Обеспечение охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при производстве следственных действий

Горячев Михаил Сергеевич

Старший лейтенант полиции,
адъюнкт,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
198206, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, 1;
e-mail: inferiat@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье автор рассматривает вопросы обеспечения права на неприкосновенность частной жизни, в том числе права на личную и семейную тайну, в ходе производства по уголовным делам в современной правовой системе Российской Федерации. Анализирует производство отдельных следственных действий на предмет ограничения конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны. В статье рассматривается вопрос роли следователя (дознавателя) в механизме обеспечения охраны права на неприкосновенность частной жизни, достаточности его полномочий при реализации своих обязанностей по защите конституционных прав граждан. Выносятся предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства в данной сфере. Формируется представление о системе охраны неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны в ходе предварительного следствия, а также при производстве отдельных следственных действий. Предложенные автором исследования меры позволят укрепить позиции по охране неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны лиц, участвующих в производстве данных следственных действиях, а также обеспечат неприкосновенность конфиденциальных данных иных лиц, которые вовсе не являются участниками уголовного судопроизводства.

Для цитирования в научных исследованиях

Горячев М.С. Обеспечение охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при производстве следственных действий // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 4А. С. 267-278. DOI: 10.34670/AR.2022.88.46.023

Ключевые слова

Право на неприкосновенность частной жизни, личная тайна, семейная тайна, частная жизнь, предварительное следствие, следственные действия, правовая система.

Введение

В рамках расследования уголовного дела не редки случаи законного ограничения некоторых конституционных прав граждан. Право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны также может быть ограничено при производстве отдельных следственных действий.

Основная часть

Одно из первых, а зачастую именно первое следственное действие, которое проводится еще до непосредственно возбуждения уголовного дела, его регистрации – это осмотр места происшествия. В отличие от прочих доследственных мероприятий, таких как опрос, истребование справок, получения образцов для сравнительного исследования, и т.д., осмотр места происшествия проводимый как до возбуждения уголовного дела, в порядке ст.144-145 УПК РФ, так и после, на основании 176-177 УПК РФ, следственным действием является.

Осмотр может проводиться практически в любом месте. Нас интересует два таких места, выделенные законодателем в отдельные категории пунктами 5 и 6 ст. 177 УПК РФ, а именно: осмотр жилища и осмотр помещения организации. Причем, если осмотр в помещении организации интересен лишь выделением специального объекта – помещения организации, и специального субъекта – представителя администрации, то вопрос осмотра жилища требует более детального рассмотрения.

Конституционный принцип неприкосновенности жилища, входящий в круг элементов неприкосновенности частной жизни пролонгируется в качестве принципа уголовного судопроизводства, закрепленного ст. 12 УПК РФ, пункт первый которой прямо указывает на обязательность согласия проживающих в жилище лиц для его осмотра либо наличие судебного решения. Пункт 5 ст. 177 УПК практически дословно повторяет указанную норму, конкретизируя лишь исполнителя ходатайства – следователя, который может возбудить указанное ходатайство.

При этом форма согласия на осмотр в жилище в настоящем уголовно-процессуальном кодексе не указана. По общему правилу, указанное согласие в произвольной форме в письменном виде отдается процессуальному работнику, который проводит осмотр до непосредственно его начала. Либо, что чаще встречается на практике, в протоколе осмотра делается запись о устном согласии жильцов с осмотром с их подписью. Разумеется, указанное согласие также должно быть получено перед началом осмотра.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» поясняет, что ходатайство перед судом о производстве осмотра жилища требуется в случае если «хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра».

Также настоящим уголовно-процессуальным законом при определении исполнителя ходатайства не указано иное лицо, кроме следователя. Предполагается, что таким образом законодатель защищает право на неприкосновенность частной жизни иных лиц, проживающих в помещении совместно.

В случае отказа от проведения осмотра, следователь обязан подготовить соответствующее ходатайство и провести указанное следственное действие по решению суда. Однако, зачастую,

при проверке сообщения о преступлении, у сотрудников органов внутренних дел отсутствует возможность на ожидание судебного решения. В данном случае, на основании части 5 статьи 165 УПК РФ в случаях не терпящих отлагательства осмотр проводится немедленно на основании соответствующего постановления с последующим уведомлением суда и прокурора. Указанный механизм судебного контроля служит еще одной мерой в охране права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны при осуществлении осмотра в жилище.

Однако, по нашему мнению, указанных мер недостаточно. Если при производстве схожего следственного действия, а именно обыска в жилище следователь согласно ст. 182 УПК РФ обязан принять меры к сохранности сведений о частной жизни, полученных в его результате, то ст. 176-177 УПК РФ таких норм не содержат.

ФЗ «О полиции», в п.3 ч.4 ст. 15 содержит в себе общее правило для всех сотрудников полиции «не разглашать ставшие известными ему в связи с проникновением в жилое помещение факты частной жизни находящихся там граждан». Однако характер самой статьи позволяет говорить о том, что указанная мера должна и применяется именно при «проникновении» в жилище на основании и в случаях, указанных в ч.3 ст. 15 ФЗ «О полиции», в которые не входит производство указанного следственного действия.

Относится ли указанное в ч.3 ст.15 ФЗ «О полиции» такое основание для проникновения в жилище как «случай, предусмотренные законодательством Российской Федерации» к такой категории как следственные действия вопрос безусловно дискуссионный. Однако, по нашему мнению, четкая регламентация обязанности сотрудника предоставить рапорт своему непосредственному начальнику об указанном проникновении (п.4 ч.5), утвержденный порядок информирования жильцов и прокурора (ч.6, ч.7) скорее говорят об обратном. Так как при производстве следственных действий, связанных с проникновением в жилище, уголовно-процессуальным законом предложен иной порядок, связанный с получением судебного решения, либо уведомления суда в случае применения норм ст. 165 УПК РФ.

Но даже, если на сотрудника полиции, согласно ст. 15 ФЗ «О полиции» и были бы возложены обязанности по неразглашению указанных выше сведений, то иные лица, зачастую присутствующие на осмотре, в таком вопросе руководствуются только соображениями совести, а также смыслом и содержанием Статьи 137 УК РФ. Такими лицами могут являться понятые, свидетели, потерпевший и иные лица, получившие доступ к месту происшествия в результате тех или иных обстоятельств. В отсутствие лица, ответственного за сохранение в тайне сведений, которые могут иметь отношение к частной жизни, личной и семейной тайне жильца указанного помещения, возникает риск распространения указанных сведений.

Иными следственными действиями, которые могут проходить в жилище и затрагивать рассматриваемую категорию прав, можно назвать: обыск, выемку в жилище, проверку показаний на месте, следственный эксперимент.

Обыск наиболее связан не столько с прямым ограничением права на неприкосновенность жилища, сколько именно с и невольным грубым вмешательством государства в лице сотрудников правоохранительных органов в частную жизнь человека. Подобного рода особенность объясняет тот факт, что при производстве обыска, само наличие судебного решения обязательно, в то время как осмотр места происшествия может быть проведен при наличии согласия жильцов.

Само жилище буквально наполнено информацией, которую сам человек считает личной и

интимной. Будь то личные вещи, одежда, переписка, книги, фотографии, документы, информация на персональном компьютере или дневники. Все это является тем, что можно определить, как сведения о частной жизни лица.

При производстве обыска, помимо следователя и лица, в помещении которого производится обыск, присутствуют также иные лица. Это могут быть совершеннолетние члены его семьи, защитник того лица, в помещении которого производится обыск, понятые, а также иные сотрудники как органов внутренних дел, так и силовых подразделений Росгвардии, для обеспечения безопасности. Таким образом, та частная информация, которую лицо не хотела бы разглашать никому, становится достоянием достаточно широкого круга лиц.

При производстве обыска следователь, согласно ч. 7 ст. 172 УПК РФ обязан принять меры к сохранности личной и (или) семейной тайны лица, не допустить оглашение обстоятельств его частной жизни. В то же время, данные меры уголовно-процессуальным кодексом не раскрываются. Более того, единственным способом, который может не допустить разглашение полученных в результате обыска сведений, является регламентированная ст. 161 УПК РФ процедура предупреждения участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, без соответствующего разрешения. С последующей дачей подписки с предупреждением об уголовной ответственности за нарушение данного правила.

Так, ч. 5 указанной статьи прямо говорит о том, что не допускается разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия. Ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации уточняет, что ответственность наступает за разглашение данных предварительного расследования лишь тем лицом, которое предупреждено о недопустимости разглашения данных сведений, а также совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание. На практике же данная мера применяется очень редко.

Иные же меры, которые может применить следователь для сохранения частных сведений, которые стали известны в результате обыска, в уголовно-процессуальном кодексе отсутствуют.

При этом, настоящий кодекс наделяет обязанностью применять подобные меры лишь одно процессуальное лицо – следователя, в то время как правом производства обыска наделен также и дознаватель, в порядке ст. 165 УПК РФ.

Разумеется, при производстве обыска, сотрудник органа дознания должен руководствоваться нормами ст. 182 УПК РФ. Между тем, формально обязанности по сохранению в тайне сведений о частной жизни лица на дознавателя не возлагается, что может послужить как причиной возникновения проблем в практической деятельности, так и нарушения права человека не неприкосновенность его частной жизни.

Аналогичный вопрос поднимается в Приказе Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (ред. от 20.07.2017) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов», где ст. 79 содержит в себе подобного рода норму.

Выемка как следственное действие аналогично подразумевающее наличие санкции суда при его проведении, также, как и обыск регулируется статьей 12, а также ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Однако если в случае, когда лица, проживающие в помещении, против выемки судебная санкция на проникновение в жилище полностью оправдана, то при добровольном согласии выдать изымаемые предметы направление ходатайства в суд видится спорным решением.

Выемка, как следственное действие, подразумевает изъятие документов, носителей

информации, иных вещественных доказательств и передача их в руки уполномоченного на то лица. В отличие от обыска, который предполагает полное обследование жилища субъекта в поисках наличия интересующих следствие предметов, или аналогичного осмотра жилища, с широким кругом лиц, которые могут узнать приватную информацию о проживающих там лицах, выемка совершенно закономерно в меньшей степени нарушает права граждан на охрану неприкосновенности частной жизни, личную и семейную тайну.

Разумеется, указанное следственное действие затрагивает конституционное право человека на неприкосновенность его жилища, однако если осмотр, также ограничивающий указанное право, возможен при согласии жильцов, то порядок производства выемки, представленный в настоящем процессуальном законе, такого права не дает.

Схожей позиции придерживаются многие ученые-исследователи. Например, П. В. Вдовцев и Ю. С. Каркошко также задаются вопросом: «зачем получать судебное решение, разрешающее выемку в жилище, если лицо, проживающее в нем, против этого не возражает, и его согласие является добровольным и явно выраженным» [Вдовцев, Каркошко, 2019]».

В то же время нормы уголовно-процессуального кодекса никак не регламентируют вопрос проведения в жилище таких следственных действий, как проверка показаний на месте и следственный эксперимент. Так, при рассмотрении жалобы гражданина Киятова Н.А. на противоречие Конституции ст. 194 УПК РФ, регламентирующей производство такого следственного действия как проверка показаний на месте, Конституционный Суд в определении от 06.07.2010 № 911-О-О пояснил, что проведение указанного следственного действия при отсутствии согласия проживающих в нем лиц без решения суда недопустимо, кроме как в случаях, предусмотренных ст. 165 УПК РФ. Однако, порядок получения судебного разрешения на проверку показаний в жилище в отсутствие согласия проживающего в нем лица, законом не предусмотрен. Уголовно-процессуальный закон в принципе не содержит в себе порядок получения судебного разрешения на производство в жилище иных следственных действий, кроме осмотра жилища, обыска и выемки.

Возникает ситуация, в которой проведение указанного следственного действия возможна только при получении разрешения на осмотр жилища без проживающих в нем лиц, где процессуальный работник, получив доступ к жилищу проводит необходимое следственное действие, фиксируя результаты в протоколе осмотра.

Подобные действия на практике позволяют добиться желаемого результата, однако отсутствие в уголовно-процессуальном законе четко сформулированных позиций по указанному вопросу приводят к неизбежным ошибкам при расследовании.

Схожего мнения придерживаются С.Н. Наумов [Наумов, 2010], М.В. Галдин [Галдин, 2019], В.В. Абрамочкин и многие другие исследователи. Некоторые из них, например, И.В. Матвиенко, предлагают включить в текст ст. 12 УПК РФ полный перечень следственных действий, которые на основании судебного решения могут быть проведены в жилище. Однако подобного рода предложения могут быть предметом отдельной дискуссии.

Иными следственными действиями, в ходе проведения которых прямо ограничиваются такие элементы рассматриваемого вопроса, как неприкосновенность личной и семейной тайны лица являются: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Рассмотрим такое следственное действие, как наложение ареста на почтово-телеграфные

отправления, регламентируемое ст. 185 УПК РФ. Как и иные следственные действия, подразумевающие получение судебного решения перед их проведением, наложение ареста регулируется в том числе ст. 165 УПК РФ. Ходатайство на проведение указанного процессуального действия должно содержать в себе мотивировочную часть, в которой указываются основания, для предположения что предметы документы и сведения имеющие значения для расследования уголовного дела содержатся именно в указанных отправлениях. При этом уголовно-процессуальный закон называет виды таких отправлений, а именно: бандероли, посылки, телеграммы, радиограммы, электронные сообщения, а также иные виды почтово-телеграфных отправлений, явно оставляя место для возможного возникновения новых видов сообщений. Текст статьи повторяет формулировку данного права в ст. 23 Конституции РФ, которая также предполагает развитие новых видов коммуникаций.

Если процедура ареста писем, бандеролей и посылок не вызывает принципиального вопроса в их проведении и прямо указана в статье, то введенный Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ пункт об осмотре и выемке электронных сообщений вызывает споры в уголовно-процессуальной теории и правоприменительной практике.

Компьютеры, смартфоны и иные электронно-вычислительные устройства, обладающие способностью принимать и передавать теле и интернет сигналы, повседневно используются гражданами для общения и хранения информации, в том числе и той, которая составляет личную и семейную тайну лица, может содержать сведения о его частной жизни.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело не только к устареванию таких видов коммуникации как телеграммы, радиограммы и почтовые сообщения, но и к закономерным мерам для контроля возникающих новых активно используемых видов связи.

Анализируя определение «электронные сообщения или иные сообщения, передаваемые по сетям электросвязи» Н.А. Архипова делает вывод, что «в рассматриваемом случае речь идет не только об электронных сообщениях как носителях информации, переданных или полученных пользователями по информационно-телекоммуникационной сети, но и о других сообщениях, которые пользователь мобильного абонентского устройства отсылает: SMS-, EMS-, MMS-сообщения, при помощи приложений для мобильных операционных систем (мессенджеры), сообщения, пересылаемые посредством электронной почты, и др. [Архипова, 2018]». Таким образом, возникновение огромного количества различных видов передачи информации привело к принятию закона, с целью упорядочивания и контроля указанной информации. Так, согласно Федеральному закону от 6 июля 2016 № 374-ФЗ, на организаторов распространения информации в сети Интернет и операторов связи были возложены обязательство в хранении данных сведений в любых их формах.

Предполагается, что выемку и осмотр указанных данных по запросу следователя (дознателя) на основе решения суда следует именно у организаторов, которые хранят указанные сведения в течение шести месяцев с момента их доставления либо обработки. Однако, зачастую, организаторы распространения информации располагаются в удаленных от места проведения следственных действий городах и имеют лишь один офис, где можно провести выемку. Следовательно, производство данного следственного действия затруднено расстоянием. В правоприменительной практике сотрудниками органов предварительного расследования применяется иной способ получить подобного рода информацию.

Зачастую, при производстве иных следственных действий – осмотр места происшествия,

обыск, выемка и др., если из характера расследуемого уголовного дела у следователя (дознавателя) появляется основания считать, что на мобильном телефоне, компьютере или просто переносном носителе информации содержатся сведения, имеющие значения для уголовного дела, то данный носитель изымается в соответствии с требованиями Статьи 164.1 УПК РФ., затем производится его осмотр.

В ходе осмотра содержимого электронного устройства следователю (дознавателю) становится открыта конфиденциальная информация о владельце телефона. Фотографии, видеозаписи, личные записи, сохраненные сообщения, список звонков и многие другие сведения, составляющие личную и семейную тайну, а также иные сведения о частной жизни лица. При этом указанные действия могут проводиться в общем порядке, без судебного решения, руководствуясь требованиями только ст. 166, 176, 177 УПК РФ.

Возникает закономерный вопрос о законности подобного рода действий, который имеет как своих сторонников, так и противников. На основании произведенного в 2019 году опроса в следственных подразделениях МВД России [Гаас, 2019], всего 15% респондентов являются сторонниками получения судебного решения перед осмотром. Остальные опрошенные, а именно 72% не считают подобные действия необходимыми.

По нашему мнению, такая статистика обусловлена в большей степени трудностями, возникающими при применении на практике положений ч. 7 ст. 185 УПК РФ.

В научных кругах так же нет единого мнения по данному вопросу. Так, С.И. Земцова, А.М. Багмет, С.Ю. Скобелин, Н.Н. Гаас считают, что получение согласия собственника либо разрешения суда на производство осмотра, изъятого в установленном законом порядке мобильного устройства, не требуется. Их позицию подкрепляет определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г., в которой суд отклонил просьбу признать не конституционными статьи 176, 177 и 195 УПК РФ. Заявитель считал, что осмотр телефона на основаниях и в порядке указанных статей нарушают его право на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В то же время, многие авторы (Бычков Р.Г., Бикмиев Р.С., Бурганов Л.В., Черепанова И.А., Даниленко Н.В.) не согласны с данной позицией, и отмечают, что подобного рода действия «противоречат Конституции РФ, Конвенции о защите прав и свобод человека и международной практикой развитых демократических государств, не предоставляет требуемых гарантий для защиты права на неприкосновенность частной жизни, тайны переписки почтовых, телеграфных и иных сообщений» .

В поддержку этому, Европейский суд по правам человека, разъясняя ст. 8 Конвенции о защите прав человека, прямо указывает, что «право на уважение корреспонденции должно защищать личные сообщения независимо от их формы или содержания».

Мы придерживаемся схожей позиции, так как осмотр личного содержимого телефона, компьютера, или иного электронного носителя личной информации не может не нарушать право человека на неприкосновенность его частной жизни, личной и семейной тайны.

Существующих на данный момент возможностей для законного изъятия подобного рода информации на данный момент более чем достаточно, пусть и сопряжено с некоторыми временными затратами. Так, на основании ст. 86, ч. 4 ст. 21 УПК РФ в случае такой необходимости, существует процедура запроса указанной информации, которая на основании судебного решения, а также мотивированного запроса следователя (дознавателя) в письменной форме направляется к организаторам распространения информации. Указанные организации будут обязаны на основании судебного решения выдать хранящуюся у них переписку. В случае

неисполнения судебного акта об ограничении тайны переписки предусмотрена уголовная ответственность по ст. 315 УК РФ.

Даже без судебного решения следователь (дознатель) вправе затребовать информацию о персональных данных пользователя – например, адрес личной страницы, время и IP-адрес регистрации профиля, номер мобильного телефона, адрес электронной почты, историю смены имени пользователя и прикрепленного номера мобильного телефона, время и IP-адрес размещения указанного в запросе контента, историю и перечень IP-адресов для входа на страницу.

Контроль и запись переговоров, как и предыдущее рассматриваемое нами следственное мероприятие осуществляется в тайне от применяемого лица, на основании и в порядке ст. 186 УПК РФ по решению суда. В виду прямого ограничения конституционного права на тайну частной жизни, личную и семейную тайну не только подозреваемого (обвиняемого), но и других лиц, которые могут участвовать в телефонных переговорах, уголовно-процессуальный закон прямо ограничивает применение данного следственного действия к преступлениям небольшой тяжести. Интерес вызывает тот факт, что это единственное следственное действие с подобным ограничением. Данный механизм предусмотрен в виду того, что подобного рода серьезное ограничение права человека в случае совершения преступлений меньшей тяжести не оправдано с точки зрения вины и понесенного ущерба.

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1 УПК РФ) входит в рассматриваемую группу следственных действий, ограничивающих право человека на тайну телефонных переговоров. При этом, в отличие от уже рассмотренных, данное следственное действие может нарушить не только право конкретного участника уголовного процесса на частную жизнь, личную и семейную тайну, но и может быть применено в отношении неопределенного круга лиц.

В случаях, когда известно, что на определенной территории было совершено преступление в какой-то временной период, следователь (дознатель) может запросить данные о соединениях абонентов на указанной территории за определенный временной промежуток. Таким образом, огромное количество сведений о совершающихся вызовах самыми различными людьми, вовсе не причастных к событию преступлению становятся известны уполномоченным лицам. Мобильные номера, время и место совершения звонков, личная информация об абонентах – данная информация которую можно считать входящей в сферу частной жизни, становится доступна следователю(дознателю).

Так, Воронежским областным судом было удовлетворено апелляционное представление прокурора на постановление Таловского районного суда, которым было отказано в удовлетворении ходатайства старшего следователя о получении сведений о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, которые выходили на связь (были активны) в месте совершения преступления, через базовые станции операторов сотовой связи в период времени с 09 часов до 15 часов ДД.ММ.ГГГГ. Суд апелляционной инстанции аргументировал свое решение тем, что судом, рассматривавшим ходатайство, не учтено, что такая информация имеет существенное значение для уголовного дела и необходима для установления лиц, совершивших преступление».

Многие авторы [Багавиева, 2019] считают, что ст. 186.1 УПК РФ, в отношении неопределенного круга лиц следует применять лишь при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, в виду массовости ограничения права на тайну связи.

Еще одним следственным действием, проведение которого может быть важно рассмотреть в контексте обеспечения охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну является допрос.

Допрос, как следственное действие, предусмотренное ст. 187-191 УПК РФ, которое состоит в процессе получения любой значимой для уголовного дела информации путем протоколируемой беседы, зачастую становится инструментом к раскрытию как неограниченного круга тайн, так и сведений о частной жизни лица в случаях, если обстоятельства преступления касаются данных вопросов.

В уголовно-процессуальном кодексе закреплено несколько следственных действий, закрепляющих разные формы допроса и их особенности. Это очная ставка (ст. 189.1, 191, 192 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 189.1, 191, 193 УПК РФ) и проверка показаний на месте (ст. 189.1, 191, 194 УПК РФ).

Ввиду того, что допросу могут подвергаться практически любой человек, приобретая тот или иной процессуальный статус, в рамках расследования уголовного дела следователь (дознатель) получает в ходе допроса легальную возможность получить частную информацию от любого лица. А протокольная форма допроса при включении его в материалы дела дают формальную возможность ознакомиться с этой информацией по окончании уголовного расследования как стороне защиты, так и стороне обвинения в порядке ст. 216-218 УПК РФ. А также выписывать из протоколов следственных действий, в том числе и допроса, любые сведения в любом объеме.

В виду данных обстоятельств, а также с целью обеспечить безопасность потерпевшего, представителя, свидетеля, а также их близких родственников согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ следователь (дознатель) с согласия руководителя может изъять данные о личности указанного лица и присвоить ему псевдоним. Постановление об этом хранится в опечатанном конверте при материалах уголовного дела в условиях, которые обеспечивают его неприкосновенность. Ряд авторов, таких как Л.В. Брусницын, Е.И. Рождайкина указывают на слабую защищенность изъятых данных, в виду того, что конверт находится при материалах уголовного дела и теоретически может быть вскрыт. Однако, на наш взгляд, полномочий следователя достаточно, чтобы предотвратить данную угрозу. На практике, ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемого, его представителя, потерпевшего и др. лиц проходит в присутствии следователя (дознателя), и в случае попытки узнать защищенные данные процессуальное лицо может применить меры, предусмотренные ФЗ «О полиции» для защиты прав иных участников уголовного процесса.

Собирая характеризующий подозреваемого материал, органам предварительного расследования становится известна практически вся, даже закрытая информация. О правонарушениях, совершенных подозреваемыми в прошлом, о его болезнях, психиатрических расстройствах, месте жительства, характеристике с места учебы, работы и т.д. Данная информация о частной жизни лица, его личной и семейной тайне не должна быть раскрыта.

Одним из главных инструментов следователя (дознателя) при обеспечении охраны права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны при проведении допроса является дача подписки участникам уголовного процесса на основании ст. 161 УПК РФ о неразглашении данных предварительного расследования под угрозой привлечения к уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. При этом, полномочия следователя (дознателя) достаточно высоки, чтобы самостоятельно определять объем данных, которые будут преданы гласности. Закон прямо говорит о том, что не допускается разглашение данных о частной жизни

участников уголовного судопроизводства без их согласия, либо согласия законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего.

В то же время, разглашение данных предварительного следствия, как мы видим из решения суда Новгородской области по делу заместителя руководителя отдела по расследованию особо важных дел регионального СУ СКР А. Кузина, не распространяется на оглашение конфиденциальной информации участникам уголовного процесса в случае, если лицом не было заявлено о тайне данной информации.

Так, в марте 2021 года вышеупомянутым судом были рассмотрены материалы уголовного дела в отношении А. Кузина, который по данным следствия при допросе супруги подозреваемого, задал ей вопрос знает ли она о наличии внебрачных детей у подозреваемого. Информация о существовании двух несовершеннолетних детей была получена следователем по запросу и приобщена к материалам дела. Изучив данную информацию, суд пришел к выводу, что следователь действовал в рамках своих должностных обязанностей. Одним из ключевых факторов являлось то, что при допросе самого подозреваемого, наличие у того внебрачных детей также было вписано в протокол допроса, при этом сам подозреваемый не заявил о конфиденциальности данной информации. «Сообщенная Кузиным супруге подследственного информация о детях носила неопределенный характер, не была предметной и конкретной, пришел к выводу суд» [Суд оправдал..., www].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках уголовного дела, если при проведении следственных действий была получена информация о частной жизни лица, которую тот желает сохранить в тайне от других участников уголовного процесса, об этом должно быть заявлено самим лицом. В другом случае, если это касается публичного оглашения следственной информации, то следователь, руководствуясь Конституцией, уголовно-процессуальным кодексом, а также иными законами, определяет круг конфиденциальной информации, подлежащей разглашению.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что при обеспечении охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, в ходе досудебного производства чрезвычайно высока роль следователя (дознателя), на которого де-факто возложена обязанность об обеспечении мер к неразглашению конфиденциальной информации полученной в результате проведения следственных действий. Инструментом для реализации подобных мер являются положения ст. 161 УПК РФ

Между тем, уголовно-процессуальный кодекс, помимо включения в ст. 182 УПК РФ пункта, прямо регламентируя обязанность следователя к обеспечению мер неразглашения сведений о частной жизни лица, полученных в результате обыска, не предполагает подобных мер при производстве других следственных действий.

Так, в ходе осмотра жилища возникает риск раскрытия обстоятельств частной жизни лица(лиц), проживающих в указанном месте. В этой связи, предлагается дополнить ст. 177 УПК РФ «Порядок производства осмотра» п.5.1 следующего содержания: «п.5.1 Следователь (дознатель) принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе осмотра жилища обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц».

Подобные меры позволят укрепить позиции по охране неприкосновенности частной жизни,

личной и семейной тайны лиц, участвующих в производстве данных следственных действиях, а также обеспечат неприкосновенность конфиденциальных данных иных лиц, которые вовсе не являются участниками уголовного судопроизводства.

Библиография

1. Архипова Н.А. Тактика осмотра и выемки электронных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи // Закон и право. 2018. № 6. С. 132-135.
2. Багавиева Э.А. Ходатайство о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. № 6. С. 801-805.
3. Вдовцев П.В., Каркошко Ю.С. Проблемы производства следственных действий в жилище // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (12). С. 8-11.
4. Гаас Н.Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 28-32.
5. Галдин М.В. Ограничение конституционного права на неприкосновенность жилища при производстве следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1 (23). С. 31-36.
6. Дело №22-483. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 3 марта 2017 года.
7. Наумов С.Н. Производство следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища. М., 2010. 201 с.
8. Суд оправдал экс-замглавы отдела СКР, который обвинялся в разглашении семейной тайны в ходе допроса. URL: <https://legal.report/eks-sledovatel-sk-osuzhdennyj-za-korruptsiyu-opravdan-v-dele-o-neprikosновенности-chastnoj-zhizni/>

Ensuring the protection of the right to privacy, personal and family secrets in the course of investigative actions

Mikhail S. Goryachev

Senior Police Lieutenant,
Adjunct,

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
198206, 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: inferiat@yandex.ru

Abstract

In this article, the author examines the issues of ensuring the right to privacy, including the right to personal and family secrets, during criminal proceedings in the modern legal system of the Russian Federation. Analyzes the production of individual investigative actions for the restriction of the constitutional right of citizens to inviolability of private life, personal and family secrets. The research presented in the article discusses the role of the investigator (or inquirer) in the mechanism of ensuring the protection of the right to privacy, the sufficiency of his powers in the implementation of his duties to protect the constitutional rights of citizens. Proposals are being made to amend the criminal procedure legislation in this area. An idea is formed about the system of protecting the inviolability of private life, personal and family secrets during the preliminary investigation, as well as during the production of individual investigative actions. The measures proposed by the author of the study will strengthen the position on the protection of privacy, personal and family secrets of persons involved in the production of these investigative actions, as well as ensure the inviolability of confidential data of other persons who are not at all participants in criminal proceedings.

For citation

Goryachev M.S. (2022) Obespechenie okhrany prava na neprikosnovennost' chastnoi zhizni, lichnuyu i semeinuyu tainu pri proizvodstve sledstvennykh deistvii [Ensuring the protection of the right to privacy, personal and family secrets in the course of investigative actions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (4A), pp. 267-278. DOI: 10.34670/AR.2022.88.46.023

Keywords

Right to privacy, personal secret, family secret, private life, preliminary investigation, investigative actions, legal system.

References

1. Arkhipova N.A. (2018) Taktika osmotra i vyemki elektronnykh soobshchenii, peredavaemykh po setyam elektrosvyazi [Tactics of inspection and seizure of electronic messages transmitted over telecommunication networks]. *Zakon i pravo* [Law and Right], 6, pp. 132-135.
2. Bagavieva E.A. (2019) Khodataistvo o poluchenii informatsii o soedineniyakh mezhdu abonentami i (ili) abonentskimi ustroystvami [Application for obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* [Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law], 6, pp. 801-805.
3. *Delo №22-483. Apellyatsionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda ot 3 marta 2017 goda* [Case No. 22-483. Appeal decision of the Voronezh Regional Court dated March 3, 2017].
4. Gaas N.N. (2019) Osmotr iz'yatogo mobil'nogo ustroystva: problemy pravoprimereniya [Inspection of a seized mobile device: problems of law enforcement]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 4, pp. 28-32.
5. Galdin M.V. (2019) Ogranichenie konstitutsionnogo prava na neprikosnovennost' zhilishcha pri proizvodstve sledstvennykh deistvii [Restriction of the constitutional right to the inviolability of the dwelling during the production of investigative actions]. *Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings], 1 (23), pp. 31-36.
6. Naumov S.N. (2010) *Proizvodstvo sledstvennykh deistvii, ogranichivayushchikh neprikosnovennost' zhilishcha* [Production of investigative actions that limit the inviolability of the home]. Moscow.
7. *Sud opravdal eks-zamglavy otdela SKR, kotoryi obvinyalsya v razglashenii semeinoi tainy v khode doprosa* [The court acquitted the ex-deputy head of the TFR department, who was accused of divulging family secrets during interrogation]. Available at: <https://legal.report/eks-sledovatel-sk-osuzhdennyj-za-korruptsiyu-opravdan-v-dele-o-neprikosnovennosti-chastnoj-zhizni/> [Accessed 04/04/2022]
8. Vdovtsev P.V., Karkoshko Yu.S. (2019) Problemy proizvodstva sledstvennykh deistvii v zhilishche [Problems of production of investigative actions in a dwelling]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* [Criminalistics: yesterday, today, tomorrow], 4 (12), pp. 8-11.